

фантастическая
история

МОСКВА, 2012

фантастическая
история

Александр Белый
Славия.
Рождение державы

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б43

Белый А.

Б43 Славия. Рождение державы: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 409 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1302-7

Сознание нашего современника Евгения Каширского, погибшего во время террористического акта в курортном городке Испании, по воле Творца переносится в далекого предка на 333 года назад. А совсем молодой казак Войска Запорожского, он же отпрыск древнего княжеского рода, Михаил Каширский слился сознанием со своим далеким потомком.

Как распорядится он немислимыми для данной эпохи знаниями в области научно-технического прогресса, финансово-экономического и общественно-политического развития общества? И нужно ли менять что-либо в этой жизни? А может, лучше отвоевать какой-нибудь остров в Океании, окружить себя шоколадным гаремом, да и жить припеваючи? А все остальные братья православные — ну их?! Пусть и дальше живут в невежестве и дикости?!

Нет! Читатель увидит противостояние с врагами и недругами, жестокие бои с польской панцирной кавалерией на суше, схватки с берберийскими пиратами на море и другие увлекательнейшие приключения главного героя и его команды на пути поиска места под солнцем.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1302-7 © Александр Белый, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

Взрыв был громким и сопровождался оглушительным треском. Панели стен фасада здания вывалились наружу, оголив толстую арматуру, а плиты перекрытия лопнули. Они опасно накренились и вот-вот готовы были рухнуть вниз.

В одном из номеров отеля, на восьмом этаже, седой мужчина присел в углу, склонил голову и накрыл ее руками. Он со страхом и удивлением глядел сквозь закопченный провал исчезнувших стен на огромный диск проснувшегося солнца и потрясающе красивую гладь лазурного моря.

По Европе неслась очередная волна террористических актов, и непримиримым исламистам было глубоко наплевать на эту красоту.

Евгений Акимович Каширский, пенсионер шестидесяти четырех лет, прожил жизнь интересную и насыщенную событиями. Вырос в семье без отца — тот, будучи летчиком, когда-то погиб во Вьетнаме. Но в школе Евгений безалаберным не был, учился хорошо и с детства был приучен к труду. Даже в институте, обучаясь по специальности «Технология машиностроения», умудрился устроиться на полставки лаборантом на кафедру станков и инструментов, где успешно проработал до самой защиты диплома. И не просто проработал, а досконально изучил все металлорежущее оборудование так, что мог настроить гитару зубчатых колес любого станка, знал, как изготовить и заточить любой инструмент, как термически обработать ту или иную деталь. А копии деда нагана изготовил лично в двух экземплярах, от заготовки до действующего образца. Правда, поковки делали вдвоем с Колькой, лаборантом «кузнецов».

Были предложения остаться на кафедре и поступить в аспирантуру, но научная деятельность Евгения не привлекала, хотелось живой работы, поэтому, получив диплом, он распределился мастером механического цеха на один из химкомбинатов, где до призыва в армию успел проработать почти целый год.

В институте военной кафедры не было, и пошел Женя Каширский на все полтора года рядовым бойцом мотострелкового подразделения. Но вскоре комбат разобрался, что к чему, и задвинул его в мехмастерскую, где парень очень скоро сделался фактическим хозяином.

Вместо дембеля, уже в звании старшины, отправился на три месяца в спецшколу, готовившую офицеров запаса из числа военнослужащих, прошедших срочную службу и имеющих высшее образование. Но и отсюда домой не попал, вспомнил, что род его от дедов-прадедов сплошь военный, захотелось повоевать.

С каждым годом Афган перемалывал все больше и больше наших ребят. И лейтенанта Каширского пуштунская пуля тоже не миновала. Пардон, американская, точно такая же, как и та, которая когда-то убила его отца. За два месяца в госпитале Женю излечили полностью, но комиссовали подчитую. И отправился он домой, на радость разволновавшейся маме. На родном химкомбинате его как мастера-производственного встретили с распростертыми объятиями.

Евгений Акимович дураком не был, уже через девять лет стал главным механиком этого крупного предприятия, но в период очередного передела советского наследства воевать не стал, взял маленькую долю, плюнул на жадное руководство и свалил. С обыкновенными бандитами еще можно было договариваться, но с новой формацией государственного рэкета — накладно. И правильно сделал, ибо вскоре половина старой команды пошла под нож. В прямом смысле этого слова.

Сколотил бывший главный механик небольшую бригаду и отправился на заработки в Польшу, по приглашению одного из обосновавшихся в тех краях школьных друзей, и там подрядился смонтировать голландскую мини-электростанцию. Заказчикам из Нидерландов работа понравилась, и те предложили совместный бизнес. С тех пор пошло-поехало, он с небольшой своей фирмой объездил полмира. Посетил

Ливию и Эмираты, Центральную и Южную Африку, Бразилию и Чили.

Евгений Акимович по природе своей был человеком гибкого ума, но весьма консервативных взглядов. Первое с детства заставило развиваться деятельную натуру, что позволило достичь неплохих результатов в бизнесе, а также определенного положения в обществе. Второе — родовая черта характера: если уж сложилось в голове какое-то положительное или отрицательное мнение по какому-либо вопросу, то убедить Евгения в обратном было непросто. Отсюда и привязанности: ну не желал он менять свои привычки!

Так сложилось — Евгений Акимович оказался человеком одиноким. Прожив в браке восемнадцать лет, развелся с супругой по причине, в которой виновным себя не считал, и все последующие двадцать два года больше не женился, привык жить один. Дети стали взрослыми, он передал им свой бизнес, связи и отошел от дел. То есть передал дочери, так как сына к делам его строительной фирмы совершенно не тянуло, тот вместе с друзьями создал совместную русско-американскую компанию, что-то связанное с программным обеспечением, и жизнью был вполне доволен.

Женщины, конечно, скрашивали одиночество Евгения Акимовича, и он их тоже любил — вплоть до сегодняшнего дня. Но все же единственной отрадой для души были внуки и Лиз, которая очень хорошо к нему относилась и называла не иначе как папа Жан.

За пять лет до официального выхода на пенсию (продолжалось это и четыре года после ухода на заслуженный отдых) он приспособился отдыхать в маленьком курортном испанском городке. Точно так же, как много лет подряд в середине января ежегодно ездил на отдых в Карпаты, в один и тот же санаторий. А в начале августа он прилетал сюда.

С парижанкой Мари и ее дочерью Лиз Евгений Акимович познакомился девять лет назад. Имя Евгений по-французски звучит совсем иначе, но что он мог поделать? Представившись Женей, стал Жаном на всю оставшуюся жизнь. Встречались они в таком составе три раза в год: один раз — здесь, один раз — в Киеве и один — в Париже.

Евгений Акимович только что вернулся с привычной утренней пробежки по берегу моря, принял душ, надел на го-

лое тело банный халат и начал бриться. Звук взрыва больно ударил по ушам, высокое зеркало, перед которым он стоял, от деформации стены лопнуло и разлетелось мелкими осколками. Спасло то обстоятельство, что все годы, начиная с детства, Евгений вел здоровый образ жизни, долго занимался тайским боксом и, несмотря на возраст, был в хорошей физической форме. Кроме того, когда-то друзья затащили его на спецкурс по поведению VIP-лиц во время покушений, а также по их защите. Некоторые упражнения он повторял с завидным постоянством.

Прошли годы, но навыки и вбитая в подсознание моторика не пропали. Как только брызнули кусочки стекла, Евгений резко присел, нырнул в дверной проем и выкатился в угол спальни. Там, где он только что стоял, уже лежали большие куски стены, и открылся новый выход в коридор.

Евгений Акимович приподнялся, смахнул грязной ладонью капли крови с порезанного осколками зеркала лица и осмотрелся. Из коридора валил дым, видно, начался пожар. Собрать вещи оказалось некогда, поэтому, захватив с комода мобильный телефон и портмоне с документами, кредитками и наличными деньгами, он устремился к выходу. Надо было успеть вытащить Мари.

Их номера были смежными, с возможностью посещения друг друга, но переход оказался заблокирован обвалом, и ему пришлось выбежать в коридор к парадному. Их дверь после взрыва была перекошена и разлетелась от одного удара ногой. Сквозь плотную завесу пыли краем глаза удалось зафиксировать какое-то движение... Ужас... из-под бетонной плиты торчали подрагивающие в последних конвульсиях ноги Мари. Этот педикюр она делала вчера вечером. Все. Ей не поможешь.

— Прости, Мари... Лиз! Лиз! Где ты?! — закричал он. Из ванной комнаты донесся стон.

Четырнадцатилетняя девочка, одетая в трусики и топик, лежала без сознания на кафельном полу с неестественно вывернутой ногой в окружении битого щебня, в луже воды, фонтаном бьющей из лопнувшей трубы. Захватив валявшийся тут же халат, он аккуратно завернул Лиз и взял на руки.

— Прощай, Мари, — сказал, смахнул скупую мужскую слезу и, не оглядываясь, поспешил на выход.

У двери заметил и подобрал сумочку, в которой Мари хранила документы, мобильники и всякую мелочь, затем выглянул в коридор и ринулся направо, к ближайшему выходу. Добежав до поворота, на секунду остановился — картина не радовала. Эпицентр взрыва находился где-то в этом крыле, но на пару этажей ниже. Огонь бушевал не только под разрушенным лестничным маршем, он охватил всю правую часть здания с шестого по девятый этаж. Ниже седьмого этажа спуститься оказалось невозможно, нужно было перебираться в левое крыло.

Евгений Акимович еще издали увидел, что взрыв произошел и в этом крыле, но лестница оказалась неразрушенной, и по ней, толкаясь и громко крича, бежали люди. С облегчением вздохнув, крепче прижал к груди Лиз, очнувшуюся из-за боли в поломанной ноге, и поспешил дальше. Пришлось перебираться через куски бетона, кирпич, груды мусора.

— Папа, папа, мне бо-о-ольно. Папа, где маман?

— Сейчас, сейчас, золотко, мы выберемся, и все будет хорошо.

Неожиданно, метра за три от входа на лестничную площадку, его нога попала в какую-то щель, пол вроде бы как провалился, он споткнулся и упал. Падая, подтянул девочку левой рукой на себя и провернул корпус правее, чтобы принять Лиз на грудь и не уронить на камни.

Боль накатила ужасная. Почти теряя сознание, наклонился и посмотрел на ногу: произошел сдвиг плит, она была зажата между ними и придавлена. Закон подлости — вот выход, но без посторонней помощи управиться невозможно. Оглядевшись вокруг, ужаснулся еще больше: плита перекрытия осталась без левой опоры и висела над головой, удерживаемая в воздухе непонятно какой силой.

Что-то Лиз в нем такое поняла, если, лежа на груди, перестала плакать и причитать, ее глаза на вымазанной слезами и пылью рожице расширились от страха.

— Сеньоры! Сеньоры! — хрипло закричал он по-испански бегущим вниз по лестнице людям. — Помогите!

Некоторые посматривали в его сторону, но большинство даже внимания не обращали. Евгений Акимович подумал, что здесь, в отеле, проживают иностранцы, которые местный язык не понимают, поэтому и не слышат. Он стал просить и

кричать на других известных ему языках: нидерландском, английском, французском, португальском, даже на африканс, который тоже знал неплохо (в свое время пять лет довелось поработать в ЮАР). Но народ по-прежнему катился потоком вниз, даже не пытаясь остановиться.

— Ползи, девочка, туда, — громко зашептал он. Вытащил из кармана халата свои портмоне и телефон, переложил в дамскую сумочку, нацепил Лиз на шею через плечо и подтянул ремешок под мышку, чтобы случайно не свалилась. — Запомни, пароль доступа к синей с золотом кредитке — это дата рождения твоей мамы, только набирается в обратной последовательности. Ясно?

— Да.

— Все, ползи. Ручками тянись.

— Нет! Папа! Не пойду без тебя.

— Иди!!! Твою мать, — перешел на русский, увидев, что девочка потеряла сознание, заорал во всю глотку и долго ругался матом, затем обессиленно прохрипел: — Суки, ребенка заберите... Господи!!! Не за себя прошу!!! Я уже пожил! Всегда куда-то бежал, на три жизни хватит! Господи!!! Спаси это дитя невинное...

Вдруг движение человеческого потока на лестничной площадке приостановилось, и в коридор выдавило двух молодых людей с небольшими сумками на плечах, в шортах и футболках с символикой «Спартак» — девушку и парня.

— Дед, не кричи, — сказал парень. — Все нормалек, сейчас поможем сойти вниз и тебе, и девчонке.

— Благодарю вас, ребята, но я уже пришел, — Евгений Акимович похлопал по сдавившей ногу плите, — вы ее с места не сдвинете. Девочку зовут Лиз, заберите ее и бегите. Не задерживайтесь. — Плита опасно нависла и могла рухнуть в любой момент. Он кивнул на потолок и прошептал: — С Богом, дети.

Молодые люди тоже подняли вверх головы, затем подхватили Лиз и потащились на выход, а он, опираясь на локоть, глядел им вслед.

— Господи, не должно быть места на Земле скотам, творящим сие, — сказал Евгений Акимович и откинулся на спину; услышав треск над головой, увидел отделившуюся и устремившуюся вниз плиту. Особо набожным он никогда не был,

но, глядя смерти в лицо, подумал: «К сожалению, Бога мы вспоминаем только тогда, когда больше некуда бежать» — и за миг до небытия успел наложить на себя крестное знамение.

В пространстве абсолютной тьмы светилась маленькая искорка *сознания*. Кто оставил ее здесь? Кто имеет власть над временем и бытием?

Шли годы, десятилетия, века. Искорка росла в размерах, и в конце концов, превратившись в огромную звезду, ярко вспыхнула, окончательно поглотив тьму пространства.

— *Иди!* — Впервые за столетия светило *сознания* услышало громогласный *Голос*. — *Здесь та же река, тот же берег, только выше по течению. Делай, что должен!*

Часть первая ЗДРАВСТВУЙ, НОВОЕ ВРЕМЯ!

ГЛАВА 1

— Микаэль, ты жив? Лежишь лицом в песке и не шевелишься!

Я лежал на животе, уткнувшись лицом во что-то мягкое и горячее, словно действительно валялся на песке на пляже, а какой-то испанец тряс меня за плечи.

Боже мой! Неужели я жив?! Почему же лежу здесь до сих пор? Почему меня не забрала машина «неотложной помощи»? А они мне освободили ногу?

Попробовал подтянуть левую ногу — она нормально шевелилась и совершенно не болела.

— О! Вижу, жив, — опять услышал тот же голос. — Но в воде держался хорошо, молодец.

Башка разламывалась, сильно пекло плечи, по которым меня больно хлопал этот испанец. Наверное, получил ожог во время пожара? Не помню. И о какой воде он говорит? Ах, река! Но как меня из взорванного и горящего отеля могло выбросить к какой-то реке? По-моему, здесь не было никаких рек, только море. И этот *Голос*... да, *Голос* с большой буквы, эхо которого звучит в сознании до сих пор. И почему мне кажется, что я ожидал его бесконечно долго, словно не приходил в сознание много столетий? Но это ведь невозможно?

— Вставай, Микаэль. Если поторопимся, к вечеру будем в Малаге.

— Меня зовут Жан, — сказал и удивился: мой голос звучал незнакомо, и это испугало. С трудом разлепил веки и тяжело приподнялся на локтях. Взгляд сфокусировался, и перед глазами увидел свисающий с шеи на толстой суровой нити серебряный православный крестик. Странно, был у меня крес-

тик — но золотой, и цепочка золотая. Неужели, пока лежал в отключке, кто-то подменил?

— У тебя есть второе имя? Хорошо. Считай, мы уже дома, поэтому не буду скрывать и своего полного имени. Кабальеро Серхио-Луис де Торрес, к вашим услугам, сеньор. Да, а твое произношение, Жан-Микаэль, сейчас почти правильное.

Заколебал меня этот испанец с его никому не нужными аристократическими замашками. Учитель словесности нашелся!

Повернул к нему голову и увидел наголо остриженного оборванца-бомжа, парня лет семнадцати, не старше. У него на поясе висел вложенный в кожаные ножны неслабый тесак — клинок сантиметров тридцать. И где это он такой кухонный ножичек надыбал? Вот тебе и кабальеро! Видно, болел на голову, из дурдома сбежал, нашел уши травмированного человека и мелет что попало. Но не это меня особо обеспокоило. Оказывается, мы развалились на песке у приметной скалы, которая находилась справа от входа в отель. Только никакого отеля в округе не наблюдалось! И курортного городка не наблюдалось! Горы вдаль возвышались прежние, и пляж имелся. И мыс, у которого любили купаться Мари и Лиз. Только выглядел он для светлого дня как-то странно, словно после прилива. Непонятно.

Резко подхватился, сел и, не поверив собственным глазам, еще раз осмотрелся: берег узнаваем, но совершенно пустынен. Что за ерунда такая?! Опустил голову и осмотрел себя. Мои глаза, глаза пожилого человека, увидели на себе такие же лохмотья, как и на неизвестно откуда взявшемся парне, словно это были обрывки смирительной рубашки; а дальше — мозолистые руки, израненные царапинами колени, сбитые ноги и некрупное тело мальчишки. Да, физически крепкое и накачанное тело не ребенка, конечно, но... совсем молодого пацана. Что же это такое?! Или я сам сбежал из дурки?!

Сердце гулко и часто застучало, а в ушах зазвенело, в голове что-то щелкнуло, я опять потерял сознание и свалился на горячий песок.

Михайло Каширский, молодой воин пятнадцати лет, ехал впереди ватаги по правую руку от родного отца в седле своей

мышастой Чайки, четырехлетней кобылы благородных арабских кровей.

Брони давно сняли, и одет он сейчас был в перепоясанный долгополый зеленый, отделанный золотом жупан, желтую кучомку и желтые же сапоги. На поясе висела отличная индийская сабелька из дамасской стали, снятая в этом походе с мурзы, который в бою был зарублен лично им, а два великолепных иберийских пистоля, добытые в этом же бою и подаренные будущим тестем паном Чернышевским, торчали в седельных кобурах. А за плечи был закинут облегченный немецкий мушкет, который на сто шагов бил очень точно.

Восседав Михайло гордо, подбородок держал выше, чем положено по правилам этикета, и старался не обращать внимания на снисходительные взгляды и шутки отца — Якима Михайловича, полкового писаря¹ Гнежинского казачьего полка и есаула того же полка Войска его царского величества Запорожского, — отца покойной мамы, деда Опанаса.

Это был его второй поход. В первый он ходил в позапрошлом году, но тогда его особо в бой не пускали, воспитатель дядька Свирид хватал за шаровары и придерживал в тылу.

Правда, и боев серьезных в позапрошлом году не было. Так, погоняли слегка копченых, два раза татарский полон отбили, но прибытка большого не случилось. Впрочем, каждый казак по две души посполитых на своих землях осадил да на чинш перевел. Семейству же Каширских тогда достались вместе с долей деда Опанаса, который последние годы жил бобылем, двадцать четыре семьи хлопов. Те добровольно (злым языкам, которые говорят — добровольно-принудительно, верить не надо) согласились жить в селах у городка Каширы.

Сейчас же в отместку за нападение в новогоднюю ночь турецко-татарского войска на Сечь пан кошевой атаман Сечи Запорожской Иван Серко водил сводное войско на разор Бахчисарая.

Гнежинский полк официально не участвовал в войне, но под предводительством Якима Каширского собралось под три сотни охочих, в том числе и молодой казак полка — Ми-

¹ Полковой писарь — начальник штаба. — *Здесь и далее примеч. авт.*

хайло (в поход пошел с разрешения отца, конечно). Он даже искупался по уши в воде при переходе через Сиваш, чем заслужил уважительный кивок от старого заслуженного казарлюги пана Степана Вырвиоко.

Вот здесь повеселились, да! Одних рабов освободили до ста тысяч, многие из них пожелали осесть на землях освободителей, в том числе и на землях у Кашир. Около трети домов Бахчисарая были греческие, и когда казаки в них врываются, очень часто забывали обратить внимание на православные молитвы хозяев. Были уверены: если живешь в мире с нашими врагами, значит, и сам заслуживаешь их участи.

Несмотря на то что Михайло получил два разрыва кольчужки, а также стрелу, влетевшую на излете в ягодицу с левой стороны, и резаную, но, хвала Богу, неглубокую рану правого бедра, он был счастлив. И добычу взяли знатную, старшина не один день делила. Отец даже отправил пана Андрея Собакевича, родного брата своей нынешней супруги, вперед — на целых семь дней раньше, со всеми вызволенными из татарского рабства хлопами, пожелавшими закрепиться на землях Каширских, и дюжиной возов добра и военных трофеев. Пусть там жена распорядится и встречает хозяина. А им придется подождать окончательного расчета среди генеральной старшины.

И вот разборки закончились, серебро распределили по седельным сумкам, и ставка кошевого атамана — городок на острове Чертомлык — давно осталась позади.

Пошли родные места, и казачьи обозы по пути следования друг за другом сворачивали в свои поместья и хутора. Наконец свернул в свои Черныши сосед пан Чернышевский. С ними остался лишь десяток ближних казаков, сопровождавших пана полкового писаря в родовое гнездо.

Шли налегке, с заводными лошадьми да полудюжиной вьючных. Через версту должны были показаться река Каменка и лесок, там уже начинались их фамильные земли.

Да, Михайло в походе неплохо прибарахлился. Не то чтобы он из дома выехал оборванцем, нет, он и тогда выглядел богато и достойно, все же боярич древнего княжеского рода. Но такого жупана и оружия, которое стоит целой деревни вместе с душами посполитых, у него еще не было. Главное, когда смотрели на него, всем становилось понятно, что перед

ними удачливый казак, а все это добро взято в бою лично. Ибо нельзя красоваться в добытом чужими руками, иначе будет урон чести и загнобят собственные братья-товарищи.

Михайло улыбнулся про себя, вспоминая, как проезжал через Черкассы и Гнежин, а встречные молоденькие казачки показывали пальцами и громко шушукались:

— Глянь, глянь, какой молодой Каширенко казак гарный, — ясно, что все женщины удачливых любят.

Душа Михайлы от подобных слов и женского внимания переполнялась радостными чувствами. Ему хотелось выхватить сабельку, дать Чайке шенкелей и опять устремиться рубить головы копченым. А женский пол он полюбить успел не единожды и неоднократно. Но жениться совершенно не хотелось, и Любка Чернышевская ему не очень нравилась — слишком малая, конопатая и худая. Да куда денешься, если родители — закадычные друзья — просватали их с ее рождения. Но ничего, дворовые девки его давно всему обучили — Любка как попадет ему в руки, так после этого быстренько округлится. Ну и свадьба только через год, ей как раз исполнится четырнадцать с половиной. Михайло все-таки надеялся, что к этому времени она немного похорошеет.

Вот и лесок на берегу быстрой и глубокой Каменки. Командовавший казаками дед Опанас завернул караван в подлесок к месту обычной стоянки. Сегодня придется переночевать здесь, а завтра выйдут с рассветом и, глядишь, к обеду будут дома.

Вдруг раздался раскат грома. Неведомая сила ударила Михайлу в спину, вынесла из седла и зашвырнула в кустарник. Больно приложившись головой о землю, он, потеряв сознание, скатился вниз, к берегу, под широкие листья лопухов и папоротника.

Очнулся со связанными руками и ногами и торчащей во рту тряпкой. Сверху был прикидан ветками и листьями.

— Эй! Кто будет рыться во вьюках и седельных сумках, руки отрублю, — услышал знакомый голос, — серебра вам пан отсыпал достаточно, да и все, что в кошельях, — ваше. Боярича так и не нашли?

— Нет, пан Вацек. Да мы все видели: после выстрела он в реку свалился и утонул. Течение его давно к Десне утащило.

— Жалко сабельку, — послышался голос Вацека, старшего пахолка собаки Собакевича.

— Там и жупан знатный, — раздался чей-то новый голос.

— Какой жупан?! Недоставало, чтобы где-то выплыл чей-то жупан. А ну, быстро все одежды в костер! Трупы — в Каменку, а дальше — как пан сказал: ты, Мыкола, вместе с Яцеком везешь все оружие на Литву, кому продать — знаешь.

— Знаю, пан Вацек.

— А ты, Федька, берешь троих своих посипак и гонишь всех строевых лошадей на Московию. Сдашь нашему лошадинику. И смотрите мне, зажилите хоть один талер, хоть одну деньгу или сбежите — пеняйте на себя, ваши семьи пойдут в рабство, и, как наш пан говорит, мир невелик, все друг друга знают, мы с вами обязательно встретимся.

— Да шо вы, пан Вацек, да как можно, пан Вацек, — зашумели голоса.

«Это точно, — подумал Михайло, — рано или поздно выпутаюсь и обязательно встретимся. Кишки выпущу всем, а брата моей мачехи повешу. Нет, разопну на воротах. Нет, посажу на кол...»

Через некоторое время стук множества копыт стал удаляться, все затихло, вечер превратился в ночь, и он уснул.

Тело занемело, голова болела, поэтому проснулся Михайло уже привязанным, лежа на крупе чужого коня. Так и путешествовали через перелески и овраги и, обойдя Черкассы стороной, через трое суток вышли к переправе через Днепр.

Есть не давали, только пить, зато он узнал, что жизни своей обязан висевшему на спине мушкету, который остановил пулю, а также своей дамасской сабельке и обшитому золотом жупану. Сколько за жупан можно выручить, они не знали, но кровянить его не хотели, а вот за сабельку были уверены — любой торговец серебро по весу отсыпет. А когда увидели бессознательного, но живого казака, то вспомнили, что даже смерд два талера стоит. С учетом того, что пан уже выплатил каждому по пять монет за выполненную работу, подлецы очень даже надеялись на дополнительный гешефт.

Продали его Ток-мирзе, предводителю банды людоловов, которые прятались в оврагах у Большой балки, за три монеты без права на выкуп. Сабелька потянула почти на три фунта серебра, но сторговались всего на половину — двадцать две

монеты, а за жупан заплатили восемь. «Продешевили, этот жупан по весу серебра продавать надо, а за сабельку — и золото не грех заплатить, — злорадно подумал Михайло и вспомнил, что пропадали, бывало, молодые красивые девки и здоровые, крепкие селяне, — так вот куда они могли пропасть! Ладно, доберусь до вас, собаки Собакевича, и будете жрать собственные потроха».

Михайло к пятнадцати годам не только получил хорошее военное образование, по приглашению отца его также обучали квалифицированные учителя — математике, алхимии и словесности. Наряду с обязательными — московским, белорусским и украинским диалектами славянского языка, а также польским, шведским и турецким языками, которые изучал с пяти лет и коими владел в совершенстве, — неплохо знал и крымско-татарское тюркское наречие. Поэтому все, о чем копченые говорили, понимал прекрасно.

К вечеру на стоянку притащили еще одного казака, который был вдупель пьян, и приковали к общей цепи, на которой уже сидели восемнадцать человек. Это был последний пленник. Еще до рассвета их загнали на плот и переправили через Днепр.

Первые два дня все пленники без исключения отведали нагаек, татары гнали их вперед, чтобы отойти как можно дальше в степь от возможного преследования.

Все прочие дни тянулись монотонно и уныло, народ, звеня цепями, все дальше и дальше шагал по пыльной, подгоревшей на августовском солнце степи. Банды, подобные этой, не ходили в военные походы. Это были шакалы и отщепенцы, которых не любили даже собственные родичи. Но Ток-мирза держал людей в строгости, поэтому в дороге девок никто не насильничал, и пленников голодом не морили — баландой кормили несытно, но нормально.

Михайло и второй казак, которого звали пан Иван Заремба, были обуты в добротные сапоги, поэтому дорога физически их не тяготила, в отличие от селян, шагавших по присохшей полыни, многие из них были совсем без обуви. Впрочем, ходить босиком они привыкли. Чумаки, например, ездили в Крым за солью только босыми.

Пан Иван, как выяснилось, был вдовцом. Пару лет назад

удачно выдал двух своих дочерей замуж и с тех пор жил как перекасти-поле — то в сечевом курене, то в шинке.

— Дядько Иван, а куда нас ведут?

— Известно куда, в Кафу.

— Так нас что, сразу продадут?

— Хлопов продадут сразу всех, девок будут продавать поштучно, а нас нет, не продадут.

— А чего нас продавать не будут?

— Да где ты видел глупого торговца, который казака за пять-шесть монет в рабство отдаст, когда за него можно взять выкуп все двадцать, а то и сто или двести талеров?

— А если не привезут выкупа?

— Того не может быть, чтобы общество своего доброго брата-товарища казака не выручило. Ты не смотри, что меня выпившим копченые поймали, с каждым случиться может, я не пропойца какой-нибудь. И грошей у меня достаточно, в куренную общину положены, так что все добре будет. — Пан Иван немного помолчал и продолжил: — Разве что казака какого тати продали, без права на выкуп, тогда да. Здесь все повязаны, и ни один купец рушить цепочку работорговли не будет. Ждет такого бедолагу вечная каторга.

— То и меня ждет, — молвил Михайло угрюмо и поведал свою историю.

— Говоришь, Собакевич? Не думал, что он тварь такая, — задумчиво сказал пан Иван, — не переживай, Каширенко, сгинешь ты на каторге, а может быть, сбежишь, но слух о тебе пуцу везде, где только можно. А если, даст Бог, вернусь, всем расскажу. Пришучить его, конечно, не удастся, — его слово супротив моего, но общество пусть знает.

Михайло шел и вспоминал свой большой родовой дом, возвышающийся посреди утопающего в садах поместья в гордке, укрытом валами и невысокой крепостной стеной. Вспоминал свою старую няню-кормилицу, младшую родную сестричку-сиротинушку Таньку, и Юрку, трехлетнего братика от мачехи. Так сердце защемило, так захотелось всех увидеть! Даже за дворней заскучал, и за конюхом Фомкой, и за своими веселыми горничными — Глашкой и Марфушей.

— Не, дядько Иван, сбегу. Мне нельзя в рабстве, больше некому отомстить.

— Старые казаки говорят, что если попадешь на галеру

или рудник, то сбежать никак не можно и живут там недолго. Но если попадешь в услужение или... — он окинул Михайлу взглядом снизу вверх, — для забавы, то шанс есть.

— Как это, для забавы?

— Ну, казак ты гарный, таких очень даже любят старые богатые матроны. И еще...

— Нехай Господь отведет от меня. — Михайло перекрестился. — Сразу убьюсь.

— Ты не понял, те, о которых ты подумал, любят пухленьких выюношей, ты же — воин. Так что если случится такая удача, то хватайся за нее зубами и не вздумай брать на душу грех самоубийства. Поплевывай в потолок да пользуй в свое удовольствие хоть тетку, хоть мужика. Вот так можно выждать удобную минуту да и сбежать домой.

— Нет, себя убивать не стану. Но если не будет выхода, кинусь на басурман, и скольких смогу, стольких с собой на тот свет захвачу.

— Верно. На то ты и есть казак, пан Каширский. — Иван склонил голову и долго шел молча, затем тихонько пробубнил под нос, но Михайло расслышал: — Да кто знает, из каких дальних далей придется добираться, и придется ли? И доберешься ли? Да, все в руках Господа.

— Все в руках Господа, — повторил Михайло, и они вместе размашисто перекрестились.

В Кафу, или, как сами турки называли его, Ключюк-Истанбул, то есть Маленький Стамбул, пришли на двадцать четвертый день.

Этот турецкий город, выстроенный из камня, похожего на мрамор, был вдвое больше, чем тот же Бахчисарай. Огражден каменной стеной высотой около шести саженей, раза в два выше, чем стена их домашней крепостицы. Множество высоченных прямоугольных башен. Пока шли, Михайло насчитал их штук двадцать пять, и это были не все. Дядько Иван говорил, что внутри города есть еще одна огражденная крепость, и там тоже имеется до десятка башен. Как это ни странно, но кроме минаретов над стеной возвышались и кресты православных церквей.

Ток-мирза привел свой маленький караван к причалу кораблей, заставил раздеться и всех загнал в море.

Море! Как сильно понравилась Михайле эта впервые уви-

денная бескрайняя, слегка волнующаяся водная гладь, с каким наслаждением он плескался, даже забыв на миг о своей рабской доле. Лишь немного раздражало жжение от соли в потертостях тела, но вскоре на осликах подвезли бурдюки с пресной водой и несколько деревянных бадеек. Попили все вдоволь, правда, вода оказалась с солоноватым привкусом, но на это уже никто внимания не обращал, многие тут же обессиленно попадали на песок. Михайло же с дядькой Иваном аккуратно смыли с себя соль, а в бадееке двумя сменами воды прополоскали подштанники, сорочки и портянки. Влажную одежду тут же натянули на себя, испытывая блаженство. Так, на общей цепи, в общей куче людей, они и поухаживали друг за другом.

Отдыхали недолго. Вокруг них уже суетились хозяева рабских загонов и осаждали Ток-мирзу. Михайло обратил внимание, что тот показывает на него пальцем, что-то говорит какому-то толстяку и отрицательно качает головой. Он не слышал, о чем говорят, но мог догадываться.

Не успела одежда просохнуть, как пришлось прощаться. Дядьку Ивана и всех девок сняли с цепи и повели за стену, а Михайло вместе с прочими селянами отправили в клетки портового рынка. Все. Выйдут они отсюда только под руку нового хозяина.

В дни совместного перехода хлопы вели себя безразлично (тянут куда-то, да и ладно) и держались от казаков на расстоянии, даже не пытаясь лишнего слова сказать, словно находились дома, в Украине. Сейчас же, когда сидели ввосьмером в тесной клетке, двое из них посматривали свысока и ухмылялись, радуясь, что боярича тоже опустили до их уровня.

С молоком матери Михайло впитал в себя убеждение, что раб не тот, кто сидит в клетке, а тот, кто имеет душу раба и рабскую сущность. Поэтому, передвинувшись ближе к свежему воздуху, на противоположный угол от отверстия параша, он на них не обращал никакого внимания, прекрасно понимая, что в случае надобности любого из них, невзирая на габариты и возраст, может не просто убить голыми руками, но и порвать на куски.

В первый день особого торга не было. Из их клетки торговец из Армении купил двух рабов, и все. Хозяин пытался в

первую очередь втоухать Михайлу, но тот, взглянув рабу в глаза, отказался.

Утром второго дня стало известно, что из Анатолии пришли две галеры для закупки рабов на медный рудник. Михайло слышал, как торгаши сговариваются об уровне цен, и понял, что сегодня решится его судьба так или иначе. Вспомнив о наставлениях дядьки Ивана, который говорил, что с рудников сбежать невозможно, он загрустил.

Минуло совсем немного времени, и на рынке полным ходом пошел торг. Действительно, клетки освобождались почти полностью, скоро очередь должна была дойти и до них. Вдруг он заметил укрытое паранджой невысокое округлое создание в сопровождении двух мордатых охранников, за поясами у которых торчало по ятагану и кинжалу. Первый нес в левой руке многохвостую нагайку из сыромятного ремня, а второй ташил на плече тяжелую торбу.

Точно так же эта компания бродила между клеток вчера, видно, выглядывали нужный товар. Неведомая сила подняла Михайлу на ноги, и он вышел из-за спин прочих рабов. Почему-то подумал, что это его шанс.

— Госпожа, — негромко позвал и расправил плечи.

Компания резко остановилась, с минуту стояли молча, затем из-под паранджи что-то тихо прозвучало, и один охранник направился к клетке, а «паранджа» с другим — посеменяла дальше. Тут же подбежал и хозяин, расхваливая достоинства раба.

— Скажи, пусть гяур снимет шаровары и высунет в решетку член, — сказал мордатый по-турецки.

— Раб, знимай шальвари. — Тот перевел, и Михайло не чинясь, немедленно развязал кушак. — Подойди ближе и член залупи.

Мордатый наклонился, внимательно рассмотрел, даже понюхал. Потом начался торг, и когда средними между тридцатью и пятью талерами получились двенадцать, клетку открыли, и его выпустили. Покупатель вытащил из сумки ошейник и аршинную цепь с прикованным к концу ядром. Ошейник замкнули на колодку, а ключ охранник спрятал под клапан поясного ремня.

Следуя указаниям и удерживая ядро в руках, Михайло зашел в помещение бани, где цирюльник обрил ему голову,

подмышки и пах, чтобы исключить появление вшей. Долго мыться не дали, и вскоре отправились к пирсу, к какому-то двухмачтовому судну. У входа на трап заставили снять обувь. Здесь и цепь сняли с шеи, но перецепили на ногу и отправили в кормовой трюм. Взяв в одну руку ядро, в другую сапоги, он с помощью поджопника, который отвесил охранник, слетел вниз и вселился в какой-то совершенно темный чулан.

— Ничего, еще не вечер, морда, — про себя пробубнил Михайло и стал босой ногой на что-то мягкое. — Лично я буду бить тебя не по жопе, а по яйцам.

— Ой! Не наступай на меня! И ядро не бросай куда попа-
ло. — Кто-то вскрикнул из темноты, коверкая турецкие слова.

— Ты кто?

— Луис. А ты?

— Михайло.

— Это Мигель?

— Нет, меня зовут Михайло.

— А! Микаэль!

Так они и познакомились: раб Микаэль и раб Луис, бывший младший офицер-стажер испанского флота. В рабство он попал, когда стажировался на каботажном судне в должности помощника шкипера. За неделю до получения офицерского патента, когда на своей барке возвращались из Кадиса в Барселону, их атаковали галеры алжирских пиратов. Не ранение, а обычную травму головы Луис получил в первую же минуту боя и очутился на цепи. Полгода назад был продан в дом покойного марокканского чорбаджи-аги¹. Ахметжана из города Канитры, где хозяйничала его старшая (и ныне уже единственная) вдова Лейла-ханум.

Дочь помощника румелийского кадиаскера (то есть судьи) Европейских территорий Османской империи, она внешне выглядела тихой правоверной мусульманкой, и никто из знакомых не мог усомниться в ее благопристойности. Однако внутри своих владений, то есть владений покойного мужа, она слыла особой жестокой, циничной и беспринципной, а хозяйство вела железной рукой, лучше любого управленца.

¹ Чорбаджи-ага — полковник (*тур.*).

Не боялась она никого, в делах действовала решительно. Что там говорить, после смерти мужа ни один из многочисленных его родственников до сих пор не получил ни пяди родового наследства, и не получит.

Муж когда-то по типу янычар воспитал из болгарских мальчишек и домашнюю охрану, и корабельный экипаж, но сделал их кастратами. Уж как их там учили — непонятно, но сегодня это были преданные лично хозяйке бойцы и весьма обеспеченные люди, которые постоянно проживали в ее имениях.

Имелся у госпожи Лейлы недостаток, тщательно и успешно скрываемый от общественности: слаба была на передок. И ничего в этом такого плохого нет, все-таки живой человек, и ей, как и любой другой женщине, тоже хотелось.

Давно повелось, что мужская часть обслуживающего персонала являлась кастратами, поэтому для таких целей она покупала раба. Даже не одного раба, а троих в год, так как редкий из них выживал дольше четырех месяцев, а того, который выживал, кастрировали и отправляли в дальнее имение.

— Знаешь, Микаэль, — жаловался ныне отставной раб-трахальщик Луис, — эта сука во время траха начинала стонать. Сначала тихо, затем громче, а потом кричала, как свинья недорезанная. И в это время в комнату врывались два ее телохранителя и стегали кнутами, тогда уже я орал, а она от созерцания моей боли получала дополнительное удовольствие, прямо слюна изо рта шла, и кончала еще раз. Сука, никто ее вусмерть затрахать не может.

— Вот тварь такая, — согласился Михайло и подумал, что подобные экзекуции ожидают и его, надо с этим что-то предпринять, и быстро. — Луис, а что хозяйка в Кафе делает, не знаешь?

— Ну как же. Хозяйка в сопровождении старшего брата Ахмет-бека из Алжира доставила на обучение в янычарский корпус своего сына. Он получил направление в Кючюк-Истанбул, вот и оказались здесь. Вообще-то обычные правоверные женщины не путешествуют на кораблях, но эта сучка любого мужчину за пояс заткнет, скоро и меня примучит.

Благодаря свету, пробивавшемуся сквозь верхний люк и

слегка приоткрытую дверь, было видно, как угрюмо он опустил голову и задумался.

— Но чем ты так провинился?

— А я одну ночь провел с Фатимой, младшей женой покойного хозяина, а евнух, который без одного уха, засек и доложил хозяйке. Утром Фатима случайно свалилась с лестницы и сломала шею. Через три дня хозяйка вызвала меня и после любви, когда безухий отходил спину плетками, приказала бить меня двумя кнутами. И потом, когда вышли из Канитры в Алжир, где должны были забрать Ахмед-бека, она меня вызвала к себе в каюту, а у меня не получилось. Вот и все. Вернемся, вырежут яйца и отправят в дальнее имение за Марракеш.

— Да, тяжело тебя слушать. — У Михайлы на душе было паскудно. — А бежать пробовал?

— Дважды, — кивнул Луис.

— Ну и как?!

— Как-как. Не видишь, что ли? Ловили сразу.

— А давай вместе, а? Прямо отсюда.

— А ядра? — Луис показал на прикованную к ноге цепь. — Безухий снимет, только когда пойдешь к суке в постель.

— Не переживай, чего-нибудь придумаем. Или умрем. Рабом у дряни недорезанной точно не буду. Сколько нам плыть до места?

— Недели две, да еще в Алжире немного постоим.

— Значит, в нашем распоряжении есть две недели. А когда она начнет меня дергать?

— Пока на судне Ахмед-бек — ни-ни. А потом — готовься, оторвется по полной.

Время в плавании для Михайлы пролетело незаметно. Масса впечатлений, а морем он был просто очарован. Когда вышли в открытое море, безухий евнух отстегнул цепи, и их заставили вместе с командой драить палубу. От работы на судне уставший от безделья Михайло получал истинное удовольствие. Конечно, нигде и никогда он никакие полы не мыл, но Луис сказал, что любой будущий флотский офицер, даже адмирал, свою карьеру начинает именно с этого. Своей старательностью Михайло даже заслужил одобрительное покашливание боцмана, несмотря на то что евнухи их сильно ненавидели.

Молодые люди частенько стояли на баке и обсуждали различные варианты побега, но реальных возможностей пока не видели. За кормой всегда болталась шлюпка с уложенным парусом, но прорваться к ней можно было лишь через квартердек с вахтенным офицером и караульными либо мимо рулевого, через охраняемые двумя мордворотами каюты хозяйки и капитана. А в их положении это было самоубийством.

По просьбе Михайлы Луис все время разговаривал по-испански, объясняя смысл незнакомых слов. За эти дни он выучил около трех сотен слов и теперь мог составить простейшие предложения.

Наконец наступил день, когда они высадили Ахмед-бека со свитой и отправились в море на последний переход. А вечером к люку подошел безухий и крикнул:

— Гяур! Хозяйка требует.

Михайло тяжело вздохнул, сердечко затрепетало, но он взял себя в руки, провентилировал легкие и успокоился. Затем отрешился от мира и спрятал чувства, как учил поступать в подобных случаях духовник, отец Афанасий, и вылез наружу. Здесь солнце почти спряталось за горизонт, явив живописную картину заката, и он на миг залюбовался, но безухий толкнул в плечо, вытащил из пояса ключик и разомкнул колодку с цепью. Затем заставил налить в бадейку десять кварт воды, раздеться догола и помыться.

У входа под квартердек, где располагалась каюта хозяйки, стояли две маленькие табуретки, на одной сидел охранник, тот самый, с плетью в руках. Когда Михайло подошел, он и рулевой, который стоял у штурвала, мазнули по нему безразличным взглядом, словно по пустому месту. А безухий разжег над входом масляный фонарь, сел на свободную табуретку и кивнул на дверь:

— Иди.

Помещение оказалось небольшим. Но кровать стояла немаленькая или, может быть, это был огромный, застеленный перинами сундук? Полумрак каюты рассеивала небольшая масляная лампа, которая висела над столом слева от кровати. А справа имелось прямоугольное окно, прикрытое ставней.

— Раб, ты меня понимаешь? — раздалось из-под красного покрывала.

— Да, госпожа.

— Подойди. — Михайло подошел ближе и впервые увидел лицо Лейлы. Возможно, оно когда-то и было красивым, но сейчас заплыло жиром, а ее щеки оказались безразмерными. Женщина откинула покрывало, явив свое толстое обнаженное тело, согнула ноги в коленях и раскинула их, внимательно рассматривая Михайлу со всех сторон.

Дома, конечно, на такое чудо у него ничего бы не шевельнулось, но здесь, несмотря на то что мешкоподобный живот свисал чуть ли не до колен, запах и аккуратно подстриженный внешний вид некоторых интересных мест мгновенно возбудили молодой, никогда не знавший длительного полового воздержания организм.

— Сюда. — Ее любопытство было более чем удовлетворено, и она постучала пухлой ладошкой по кровати. Михайло взобрался, а она ухватила его за руки, одну сунула себе между ног, а вторую положила на грудь и томно выдохнула: — Гладь.

Он не стал ее ласкать, как своих девчонок, а просто водил пальцами по влагалищу, и вскоре клитор вздулся и стал похож на маленький пенис.

— Давай, — простонала Лейла, закидывая его на себя, затем, закатив глаза, сквозь зубы прошипела: — Если быстро кончишь, удавлю.

Михайло приподнял складки живота, чтобы не мешали, и резко вошел. Лейла тихо вскрикнула и стала постанывать все громче и громче. С минуту подвигавшись, он с удивлением почувствовал (такого в короткой практике еще не было), что его в общем-то немаленький член болтается внутри, словно горошина в кринке. Сдерживающий фактор вдруг исчез, организм, давно не чувствовавший женщины, расслабился, и он обильно кончил.

Лейла замерла, открыла глаза и удивленно на него посмотрела, затем ее лицо исказила гримаса злобы, рот оскалится для крика...

Михайла понял, что никакого унижения он больше не вытерпит и сейчас, как говаривал покойный отец, наступил момент истины. Он освободил спрятанные в душе чувства, а юношеский максимализм взял верх и возмутился: свобода или смерть! Глаза яростно блеснули и, немедленно задвинув

правую ладонь женщине под затылок, обратным хватом левой взял ее за подбородок и руки рванул в стороны. Раздался хруст позвонка, она умерла мгновенно.

Михайло слез, плюнул на труп, вытерся и прошептал:

— Сучка драная, больше ни над кем издеваться не будешь.

Немного постоял, подумал, огляделся вокруг и подошел к окну. Приоткрыл ставню, выглянул наружу: ярко светили звезды, внизу по борту шуршала вода, а шлюпка на конце каната так и двигалась следом.

Даже соображая что-либо в морском деле, он никогда бы не бросил в беде товарища и теперь стал усиленно размышлять, как тому помочь, хотя понимал, что оттягивать с решением нельзя.

Ни оружия, ни чего-то такого, что могло бы его заменить, он не увидел, поэтому быстро стал рыскать по каюте. Ничего, кроме разных тряпок, двух шкатулок (одна — с драгоценностями, а вторая — с небольшим количеством золотых и серебряных монет, а также симпатичными серебряными ножнами от небольшого стилета), он вначале не нашел. Но догадался заглянуть под подушку, там его и увидел; ромбического сечения, с посеребренной гардой и рукояткой, отделанной слоновой костью. Взял в руку и подкинул. Клинок был сбалансирован неплохо, с таким работать можно.

Разложил сверху на трупе две подушки, укрыл все это покрывалом и подошел к двери каюты. Расположившись так, чтобы, когда ее откроют, оказаться невидимым, Михайло постоял немного, но никто заходить не спешил. Подумал и решил ускорить процесс, попытался закричать тонким голосом, но дал «петуха» с переливами. Однако это возымело действие, и в коридоре послышался топот двух пар ног. «Двое!» — возникла неприятная мысль и пропала, тело уже давно находилось в боевом трансе, и ему было безразлично, прибегут один, двое или десять. Все равно что-либо назад отыгрывать поздно и бессмысленно.

Дверь распахнулась, в каюту первым вбежал мордovorот с нагайкой и сразу помчался к кровати. Безухий заскочил следом.

«Нет, по яйцам бить не буду, у тебя их нет, просто зарежу», — подумал Михайло, надавил плечом на дверь и нанес удар в почку безухому. Одновременно случилось три вещи:

захлопнулась дверь, Михайло перехватил правой рукой окровавленный клинок для броска, и мордovorот откинул покрывало, подняв нагайку для удара. Того мгновения, в течение которого он удивленно пялился на подушки, хватило, чтобы стилет прилетел именно в ту точку, в которую был нацелен, — в затылок. Оба охранника свалились на пол, первый — замертво, а второй — в конвульсиях скреб ногой по полу. Михайло вынужден был выхватить из ножен его кинжал и нанести еще один удар, в сердце.

Тихо приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Было темно, но из капитанской каюты слышался громкий храп. Нет, сначала нужно разобраться с вахтой. Он притворил дверь, снял с безухого пояс, застегнул на свое голое тело и проверил под клапаном наличие ключика. Там нашелся не только ключик, но и разных монет немало. Вытащил из трупа кинжал, вытер и вернул на место. Подошел к окну, опять прислушался к шуму волн, ухватился за раму, выбрался наружу и, подтянувшись... увидел перед глазами ноги вахтенного офицера. Тот, стоя спиной к ограждению, облокотился на перила, задрал голову и созерцал звезды.

Более удобное положение для убийства придумать сложно. Крепко удерживаясь левой рукой за стойку, Михайло подпрыгнул, зацепил правой рукой подбородок вахтенного, резко и с силой потянул вниз. За шумом волн звука, с каким переломилась шея, слышно не было, затем он отпустил тело, но оно, зацепившись локтями за перила, так и повисло. Ну и ладно, здесь больше делать нечего, он нащупал ногой раму иллюминатора и вернулся в каюту.

Шкипера и рулевого тоже зарезал тихо. Первый так и не проснулся, а второй, когда Михайло вышел со спины, даже не оглянулся. Зафиксировав стопором штурвал (как это делается, он видел неоднократно), захватил на палубе подштанники, шаровары и рубашку, нырнул в трюм.

— Подъем, Луис, — шепнул, натягивая одежду, — нужно спешить.

Тот чуть не запищал от радости, когда Михайло снял цепь. Пока забежали в каюту хозяйки, где Луис трясущимися руками завладел поясом и оружием второго охранника; пока рассовывали по поясам деньги и драгоценности (Михайло не забыл захватить и стилет); пока ссыпали в узел какие-то сладо-

сти и фрукты (пресная вода в шлюпе была постоянно и менялась всегда); пока перебирались в шлюп, отцепились и ставили парус, все было тихо и ничего не произошло. Так, в перерыве между вахтами, они и свалили. А когда парус поймал ветер, Михайлу отпустило и он расслабился.

— Луис, а куда поплывем? — спросил устало, напряжение последнего часа сказалось, он был совершенно разбитым.

— На север. Видишь яркую звезду? — показал тот рукой. — Нам туда.

С этого момента Луис на Михайлу стал смотреть совсем другими глазами. Было видно, что крепко заужавал.

Беглецам благоволил попутный ветер, поэтому до испанского берега добирались чуть больше суток. Дважды вдали видели паруса, но их, слава богу, никто не заметил, и почти весь путь прошел спокойно. Но к утру второго дня небо затянуло, пошел дождь и разыгрался шторм. Над головой уже мелькали чайки, значит, они находились почти у самого берега.

Для хорошего судна волна была ерундовой, но для этого шлюпа оказалась избыточной. При резкой смене ветра Луис не смог справиться с управлением, шлюп положило набок и волной расплющило. Обувь и вещи, которые лежали на дне, а также два отличных пистоля, ушли в бездну. Хорошо, что сами успели зацепиться за кусок сломанной мачты.

Деньги и драгоценности сохранились. Еще вчера, во время спокойного плавания, выпотрошили пояса и разделили трофеи. Кроме утонувшего имущества, они располагали двумя длинными кинжалами из неплохой стали, одним стилетом, который, как говорил Луис, когда-то принадлежал чорбаджи-аге, а также драгоценностями и деньгами: семьюдесятью восемью талерами и сорока семью золотыми цехинами в монетах разного достоинства.

Если золото перевести в серебро по курсу пять с половиной, то общая сумма составит триста тридцать шесть талеров или двадцать четыре фунта. Сумма более чем приличная, но если бы не подвернулся обломок мачты, то пришлось бы пояса снимать и скидывать на дно, особенно Михайле, иначе бы утонули.

Дело в том, что Луис наотрез отказался от равноценной доли.

— Если сеньор Микаэль не возражает, то я бы взял один

фунт на приличную одежду и обувь, два фунта на обычную верховую лошадь и три фунта на нормальную шпагу. Если уж послал мне Бог вас, сеньор, и вашу доброту, то хотелось бы появиться на глаза родственникам настоящим кабальеро, а не таким оборванцем. — Он поднял руки и демонстративно осмотрел себя.

— Не юродствуй, — рассмеялся Михайло, но все равно смог втиснуть Луису всего восемьдесят пять талеров, а это чуть больше шести фунтов. И не более того.

...Сквозь тучи появилось солнце, и часа через три зубодробительного плаванья в открытом море (сверху поджаривает, снизу охлаждает) их выбросило на берег.

ГЛАВА 2

«*Иди! Иди!*» — в голове звучали набатом слова *Того*, кто послал меня в этот мир. Нет, мир был тот же самый. «*Та же река, тот же берег*, — сказал *Он*, — *только выше по течению*».

Знаю точно, кем я был и кто я есть. И знаю, что сегодня двадцать пятое августа тысяча шестьсот семьдесят восьмого года от Рождества Христова.

Перед глазами, словно на экране монитора, пролетела вся моя недолгая жизнь. Да-да! Именно моя! Горечь потери отца и братьев-товарищей казаков, чувство любви к малышам — сестричке и братику, ненависть к Собакевичу и собакевичам, это мои чувства, чувства Михайлы, и они никуда не делись.

А вот еще один экран и еще одна жизнь. Насыщенная жизнь битого судьбой и умудренного жизненным опытом пожилого человека. Тоже — моя! Рядом — родные дети, любимые внуки и Лиз. И Мари. На триста тридцать три года позже!

О! Как бы мне хотелось отмотать эту пленку обратно и все вернуть на круги своя. И для меня, пенсионера Евгения Акимовича Каширского, который ни одной минуты не сожалел о прожитых годах. И для меня, молодого воина Михайлы Якимовича Каширского, который очень сожалел, что сделал в этой жизни так мало.

Нет, очнувшись, я, Евгений, не подавил молодое, неокрепшее сознание, но и не позволил подавить свое, впрочем,

Михайло стать доминантой просто не смог бы. Наши сознания растворились в молодом крепком сосуде, и его душа впитала память той, упокоенной души; наши знания, умения, опыт, сила и ловкость объединились и стали единым целым с общими чувствами и устремлениями. Единым индивидуумом, то есть единым мной.

Не открывая глаз, провел рукой по поясу, удостоверился, что и кинжал, и стилет на месте и все это мне не приснилось.

— Ну подымайся, Жан-Микаэль, — лениво и устало сказал Луис.

Вот-вот, это мое настоящее имя — Евгений-Михаил, именно оно представляет мою настоящую сущность. Но почему *Он* не упокоил меня вместе с сознанием и памятью души, а послал в глубину веков? Конечно, имея имя и положение в обществе, здоровый организм молодого воина и приличное техническое образование: знания в области механики, металлургии, физики, химии и прочих разных наук уровня начала XXI века — могу здесь обеспечить себе роскошное и праздное существование на всю оставшуюся жизнь. Но нет, мой авантюрный характер спокойного и размеренного бытия не вытерпит, да и *Он* меня вселил в Мишку не задравши ноги чаи гонять. А зачем и почему? Ведь не просто так? А может быть, услышал боль страданий и сожалений огромных масс там, в том мире, — о том, что в нашей жизни все не так? Все не так, как надо? И я за миг до смерти помоллся...

«Делай, что должен». Значит, решил Он, не нравится вам, люди, жить так, как живете, — организуйте лучше. Вот меня, в виде козла отпущения, и отправил в полет сквозь века.

А что, собственно, умею делать? О! Много чего.

Могу обучить арифметике, математике и высшей математике; физике и химии школьной программы. Может быть, не все помню, но помню очень много. Например, порох — не хуже «Сокола» и капсуль типа пистона для револьверной гильзы и медный для гладкоствольного оружия делал лично и неоднократно под чутким руководством Алешки, бывшего школьного учителя химии, а ныне пенсионера, моего давнего друга и компаньона по совместным походам на охоту. Он почему-то считает (прошу прощения, считал), что в наш

продвинутый век таким умением должен обладать любой мужчина.

Иностранные языки знаю. Раньше знал шесть, а с новой памятью — одиннадцать.

Могу изготовить измерительный, режущий инструмент и любой станок: и с электроприводом, и с ножным, и с ослико-лошадиным. А с водяным или ветровым — и говорить нечего. Имею представление о литейном производстве, горячей ковке, холодной штамповке и термообработке сталей и сплавов. Не считаю себя в этом деле великим специалистом, но по крайней мере по искре на абразивном круге состав металла с большой долей вероятности определить могу.

Хорошо представляю конструкцию и принцип работы парового двигателя и двигателя внутреннего сгорания. Теоретически. И если еще паровик можно было бы попытаться сварганить, то за ДВС даже и не взялся бы. Точно как не взялся бы серьезно решать вопросы изготовления электрооборудования и приборов радиосвязи, несмотря на то что полжизни занимался монтажом турбин и генераторов. Здесь у меня теоретической базы нет, за исключением вершков общеобразовательной программы.

По большому счету могу поставить перед собой цель, а потом собрать, подготовить и организовать команду для ее реализации. Могу по принципу пирамиды, с учетом реалий нынешнего времени и при наличии ресурсов, за пять лет сформировать и хорошо профессионально подготовить пехотную и кавалерийскую дивизии. Недаром Михайло получил соответствующее военное образование; недаром Евгений служил срочную в мотострелковом подразделении, а затем исполнял интернациональный долг в ДРА.

Что еще могу? Да многое могу, с ходу и не упомнишь. О! Швейную машинку, кстати, отлично знаю — господин Зингер отдыхает.

— Слышишь?! Пора идти, пить хочется ужасно. — Увидел, как Луис тяжело поднялся, отряхивая песок.

Вставать не хотелось, в голове крутились разные мысли, но после слова «пить» проснувшаяся жажда подбросила и поставила на ноги. Слегка пошатнулся, потряс головой и оглядел такие знакомые и в то же время незнакомые пустынные места. Что ж, будь что будет! Главное — ввязаться в бой, а

война маневр покажет. Выбросил руку в приветствии «Рот Фронт!» и воскликнул молодым, звонким голосом:

— Веди, Луис! Вперед, на крепость!

— Нет, крепость — для нас слишком много. Мы возьмем таверну! — ответил он шуткой на шутку, взмахнув рукой. Солнышко припекало голову, а горячий песок — ноги, поэтому мы вернулись к кромке воды и по омываемому волнами берегу быстро пошли в сторону Малаги.

Море после шторма почти успокоилось, слегка волнуемая гладь играла разноцветным серпантинном, а негромкий прибой шуршащими бурунами охлаждал босые ноги.

Как красиво! Какая-то часть сознания возжелала заполучить и освоить паруса, а потом рвануть в неведомые дали. А почему бы и нет? Ведь умею и могу многое, и свои желания, пусть не любые, но для этого времени самые невероятные, способен воплотить в жизнь.

Но чего желаю, чего хочу? Конечно, лично для себя хочу крепкого здоровья и многих лет интересной жизни. А как буду жить? Да проживу «на бис», абсолютно так же, как и раньше, в том времени — не сидеть и лежать, а бежать.

В моей семье к истории всегда относились предвзято, лженаукой ее не считали, да простят меня ученые мужи, но когда мама увидела мой аттестат об окончании школы, где в колонке оценок среди пятерок затесалось две четверки — по истории и обществоведению, даже плохого слова не сказала. Просто некоторая официальная историческая информация совершенно не согласовывалась с тем, что нам было известно от деда-прадеда, а семейные документы, предания и воспоминания мы для себя считали неоспоримыми.

Умышленно искаженный документ или специально подписанная монархом недостоверная информация через три поколения становится правдой, а через четыре — фактом абсолютным. А докторских диссертаций на этом, мягко выражаясь, историческом факте напишут столько, что, когда где-то проявится искорка правды, ее с песнями и транспарантами затопчут и заплюют.

Что ж, ничего не поделаешь, историю пишут победители. Вот и мне нужно стать тем, кто будет иметь право подписи под значимыми документами, то есть победителем. А с ка-

кой целью? Ведь стать влиятельным магнатом смогу в любой стране мира.

Но нет, не для этого Он меня сюда закинул.

Что мне известно об этом времени? В общем-то даже с учетом свежей памяти — немного.

На троне Московского царства сидит царь Федор Алексеевич Романов, а будущий великий Петр — еще совсем маленький ребенок. И что мне делать? Прибежать туда, поселиться у одного из своих дальних родственников и начинать прогрессорство? Нет, сейчас в Москве та еще клоака, либо втихаря прирежут, чтоб не выделялся, либо громко сожгут.

В Великом княжестве Литовском сейчас царит шляхетская демократия, то есть полный беспредел, впрочем, в Кракове творится то же самое. Значит, нам сюда не надо.

Можно развернуть пирамиду и сыграть шахматную партию дома, на Украине, и подгрести всех и вся под себя, тем более что есть имя и ресурсы. Но это значит — топить в крови братьев славян, а также через Царство Польское в европейских разборках вызвать огонь на себя. И как бы на все это дело смотрела Порта? Предъявить ей «стальную перчатку», изготовленную по технологиям двадцатого века, и заключить сепаратный мир?

Нет и еще раз нет. Никакие дела и никакие интересы ничьих государств меня интересовать не будут. Лет двадцать пять.

Черт побери, ведь огромные территории Земного шара не только не освоены, они даже не открыты! Ведь в половине Северной Америки с ее богатейшими ресурсами (ее отделяют Скалистые горы), а также во всей Океании, начиная от Гавайских островов до Новой Зеландии, сегодня проживают только дикие народы и нет ни одного европейца! А половина неосвоенной Африки с ее золотом и алмазами?! И скажите, зачем мне нужны чьи-то интересы? Нет, они мне, конечно, будут нужны, но несколько позже. Да, лет через двадцать пять. Вот тогда-то мы и начнем влиять: кому-то будем помогать делить, а кому-то — помогать кушать.

Итак, задача номер раз — материальные ресурсы, то есть в первую очередь деньги. Не вопрос, абсолютно точно знаю

места в ЮАР и Намибии с очень удобным подходом с океана, где есть немаленькие залежи золота и огромные — алмазов.

Задача номер два — трудовые ресурсы, то есть люди. Впрочем, при нынешних общественных отношениях при наличии денег это тоже вопрос несложный.

Задача номер три — создание базы «подскока» для организации научно-технической и военно-промышленной пирамиды.

Задача номер четыре — создание собственного православного государства.

И задача-максимум — изменение векторов мирового развития.

Решить все первые четыре задачи надо так, чтобы ни один власть предержащий ничего не заподозрил и был в неведении до того самого момента, пока мне это выгодно.

Сейчас же внеочередные вопросы — это адаптация, накопление первоначального капитала, привлечение или скорее приобретение шустрых, обучаемых ребят, которые и станут фундаментом для всех моих будущих дел.

Бежать — не привыкать. Но раньше бежал по своей, узкой тропинке, сейчас же, дополнительно к «стальной перчатке», слажу «стальные сапоги» и прошвырнусь по пока еще не занятому участку берега этой реки.

В Малаге бывал бессчетное количество раз. Во-первых, прилетая в Испанию и улетаая, добирался сюда; во-вторых, постоянно арендовал в отеле авто, частенько забирал Мари и Лиз, ездили на экскурсии и так, развлечься. Всего восемнадцать километров по трассе, которые на машине преодолевал за считанные минуты, а мы с Луисом брели не знаю сколько часов, но солнце уже ушло к закату. Еще часа два, и начнет темнеть.

И вот наконец нам открылась панорама залива с сотнями торчащих корабельных мачт. Луис резко остановился, его глаза заблестели, и он, глубоко вздохнув, перекрестился. Остановился и я, огляделся, с удивлением узнавая и не узнавая все вокруг. Если контур залива был знаком, то слева, там, где пустырь, в мое время стояла (или будет стоять) сеть супермаркетов и развлекательных центров, а справа, на месте хибар, были (или будут) четыре башни-высотки. Перекрес-

тившись, только по-своему, по-православному, толкнул Луиса, и мы пошагали дальше.

По пути прошли через три рыбацких деревушки, где нас встретили весьма и весьма настороженно, особенно в самой первой. Но подброшенный на ладони серебряный талер, который по весу был идентичен местному пиастру, уладил все проблемы. Здесь даже один реал считался серьезными деньгами. Таверны в деревушке не имелось, поэтому мы расположились в тени хижины пожилого рыбака, обряженного в огромную шляпу и короткие, по колено, штаны. Это был первый новый человек, которого я увидел в этом мире. Он нам вынес два кувшина холодного белого вина урожая прошлого года.

— Прошу вас, сеньоры, но... — рыбак начал мяться, поглядывая на наши босые ноги, — у меня нет семи реалов сдачи.

— И?.. — спросил Луис, выпятил подбородок, сощурил глаза и стал похож на настоящего кабальеро с большой дороги.

— У меня есть несколько пар превосходных башмаков. Не хотят ли сеньоры примерить? — склонив голову, спросил рыбак с искоркой хитринки в глазах.

— Тащи, — сказал ему.

— Слушай, Микаэль, — Луис оторвался от кувшина, — в город мы можем зайти и босиком, но войти без шляпы — это очень большой урон для чести.

Короче, оставили мы хитрому бизнесмену-рыбаку еще один талер, зато обзавелись полуботинками на тонкой подошве из затертой и потрескавшейся кожи, в которых умерло не одно поколение старых рыбаков, и задубевшими просоленными треуголками. А еще Луис требовал два медных реала сдачи. Вот тебе и идальго, лично я бы не требовал, оставил бы на чай. Оказывается, здесь, в далеком прошлом, у европейцев уже сейчас совсем другой менталитет. Зато нам эти два реала пригодились в последующих деревушках, где, с опаской поглядывая на наши кинжалы, нас обеспечили таким же холодненьким кислячком.

И вот мы шагали к городу и от подножия приморских холмов подымались в сторону ворот Алькасабы, дворца-крепости мавританских королей. А еще выше, на горе Хибральфа-

ро возвышался замок — главный форпост защиты дворца. Казалось бы, с Мари и Лиз мы бродили здесь совсем недавно. Тогда тут были сосновая аллея, эвкалипты и кипарисы. Мы забирались на замковую башню посмотреть на Гибралтарский пролив и африканские горы Риф, которые видны далеко-далеко.

Луис объяснил, что длинный нож простолюдину носить нельзя, под кушаком таскают обычно складную наваху. Но в городе есть люди, которые могут подтвердить его происхождение. Лично мне тоже нечего бояться, так как я с ним, а он нисколько не сомневается в моем благородном происхождении. Никто нас нигде не остановил, только два кабальеро, которые двигались навстречу верхом, посмотрели с большим интересом.

Мы прошли по мощенной камнем улице вдоль кварталов мастеров и поднялись во вполне узнаваемые мною места. Слева, куда поворачивала улица, стояли башня и здание, в нем лет через триста будет размещен музей Пикассо, который родился в Малаге. Коллекция его картинной галереи оценена в двести девяносто восемь миллионов евро, а жемчужиной является портрет жены, русской балерины Ольги Хохловой.

Здесь не было, конечно, отделки двадцать первого века, отсутствовала аллея с мелкими кафешками и ресторанчиками, но старый город оказался вполне узнаваем: зелено, чисто и опрятно. Встречные люди — самые обыкновенные, но богатые и бедные различались сразу. А вот одеты непривычно: жилет и короткий пиджак типа «фигаро», все в коротких штанах с подколенными бантиками и в чулках! Точно такие же мы видели с Мари на тореадоре (Лиз оставили дома), когда ездили смотреть корриду. Да, головные уборы — абсолютно на всех мужчинах, кушаки — только на простолюдинах, а пояса с оружием — у благородных. У них же (у всех!) длинные усы со смазанными чем-то кончиками стоят торчком.

Мода такая, однако, чукча ты, Евгений-Михаил, необразованный.

А женщины здесь красивые, яркие, ничуть не хуже наших казачек. Только цвет волос разный, у наших беленькие, русые, а черные — изредка. Здесь же чернявые преобладают. И голубых глаз не видно, одни карие. Ух! Вот идут синие

глаза, а ресницы — в размер веера моей мачехи, и коса черная как смоль. И идет точно так же, как моя Любка, — нос кверху, грудки вперед. Да там и щупать пока нечего, а туда же. О, как на меня презрительно взглянула, а сопровождающий ее дядька, следующий чуть справа и на полшага сзади, окинул взглядом внимательно и настороженно.

А что ты хотел, господин Евгений-Михаил, выглядите вы с Луисом совсем не как кабальеро. Да еще в шароварах. Здесь в таких только турки могут объявиться.

Ну и ладно, не больно-то хотелось.

Нет, не ладно, ты уж признайся сам себе, что привык и в той и в этой жизни совсем к другому отношению женского пола. Ты никогда никому не навязывался, но был всегда любим, а здесь — презрение.

Однако ерунда все это, было бы столько горя.

Вот Любке моей сейчас не позавидуешь. Донес ли уже дядька Иван весточку, что жив я, не знаю, но верю, что вскоре донесет либо слух пустит. Я же, Любка, увидеться с тобой пару лет не смогу. Долг крови требует серьезной подготовки. Не могу сейчас просто так податься домой. Ну что мне Собакевичу предъявить? Скажу, что продали меня пахолки пана, а из кустов слышал голос Вацека? А может, того Вацека уже и в живых нет. Буду бегать по судам от пана полковника до пана кошевого? Правильно дядька Иван говорит, мое слово против его слова, да еще и засмеют. Жизнь у меня будет не жизнь, и больше чем уверен, что недолгая.

Такой глупости не совершу и действовать буду совсем иначе, сознание и опыт прожитых лет, вернувшиеся (или вселившиеся) через века, знают, как надо.

Так что подожди, Любка, если сможешь. Обещаю, вернусь за тобой обязательно, и пойдем под венец. Если дождешься — не обману. Может быть, ты мне не совсем нравишься, но кто я такой, чтобы пренебречь волей родителя? Пришелец из двадцать первого века, где давно наступил разврат в чувствах и нигилизм в отношениях? Нет, не хочу начинать-продолжать здесь свою жизнь с постыдного для рода поступка.

Луис, шагавший рядом, толкнул локтем и кивнул на очередную молоденькую красотку, сопровождаемую аж двумя

матронами. Она прошагала мимо, тоже задрал нос, и на нас, туркоподобных оборванцев, даже внимания не обратила.

— Нет, Луис, ты не понимаешь. С такой девочкой ты только потеряешь время, деньги и вконец испортишь нервы. Посмотри вокруг, сколько девушек и женщин без охраны, вот где работы непочатый край, пахать не перепахать.

— Ты очень странно изъясняешься, Микаэль, как опытный ловелас. И слушай... — Он остановился среди улицы и с удивлением на меня уставился. — Как ты хорошо стал говорить! Правда, у тебя акцент жителя, прибывшего из Вест-Индии или из Нового Света. Я удивлен!

— Ладно, не захваливай, просто ты хороший учитель. — Не рассказывать же ему, что испанский действительно выучил в Чили триста пятнадцать лет тому вперед и имел неслабую практику в общении. Все же он смотрел на меня с некоторым недоверием.

Пока шли по улице, никто помоев не выливал, отходы под ногами не валялись и вони на улице не было. Говорят, систему водоснабжения и канализации здесь продумали еще арабы, завоевавшие кусок Испании в восьмом веке. И кто сказал, что арабы — отсталый народ? Ведь это именно они обучили европейцев математике, химии, врачеванию, хирургии и фортификации.

Малага мне нравилась всегда. Почему бы здесь не задержаться, тем более что у порта расположена столь интересующая меня морская школа, в которой учился Луис? Думаю, место для адаптации очень даже приличное.

Мы вышли на площадь, с одной стороны которой был виден залив.

— Вон, внизу, смотри. — Луис показал рукой на здание под рыжей черепичной крышей. — Моя морская школа.

— Завтра пойдем?

— Нет, — с сожалением выдохнул он, — завтра будем приводить себя в порядок.

О! Какое это экзотическое занятие — приведение себя в порядок. Помывку нам организовали еще вчера. Двое мальчишек затащили в комнату два деревянных корытца и бадейку с теплой водой, затем пришла тетка с двумя кувшинами, один пустой, а во втором — вероятно, шелок. Взяла кувшин-

чик, полила нас водой и намылила со всех сторон, потом обыкновенной тряпкой потерла и хлопнула на каждого еще по три кувшина. Вот и вся помывка. Ногти на руках и ногах острым ножиком обрезала, кстати, очень аккуратно.

Это, конечно, не сауна в моем загородном доме, даже не паровой бокс в городской квартире, но, черт побери, какое облегчение для тела.

Сегодня утром умылись из кувшина с питьевой водой, который стоял на столике, надели постиранные подштанники, портянки и рубашки, затем и шаровары — как же без них? Нацепили башмаки и дубовые от соли треуголки, подпоясались и отправились под чутким рукамиводством Луиса Сусанина, который здесь все знал, продолжать процесс приведения себя в порядок.

Кстати, на постой мы стали не в какую-то ночлежку, а вполне приличное, недешевое заведение, где хозяин Луиса признал, но смотрел на нас с огромным удивлением.

Итак, я стоял как истукан под навесом открытой террасы на заднем дворе портного мастера (по-нашему, дизайнера) Пьетро Муньоса, который одевал очень небедных местных модников, и слушал бесконечное тарыхтение мастера о перипетиях современной моды:

— Жабо и бочонки, мои великолепные сеньоры, мы отмечаем. Да и новый закон о роскоши, подписанный его величеством, требует воздержания от излишеств. Поэтому на рубашке — только большой крахмальный отложной воротник по французской моде для мушкетеров. А вот пояса, такие как у вас, хорошо смотрятся на дорожной одежде, а представительский хубон нужно подпоясывать тоненьким пояском. Все хубоны мы сделаем с откидными рукавами. Да, великолепные сеньоры, в Новом Свете таких костюмов не шьют, но в них вы сможете выйти и в свет, и на любой раут.

Полный аут! Он считает, что мы прибыли из Америки. Ну и ладно, но как мучительно долго тянутся примерки, мы пришли сюда утром, а сейчас солнце повернуло на полдень. На беготню вокруг Луиса мастер убил часа три, не меньше, и теперь приятель сидел с бокалом холодного вина и балдел, рассматривая приобретенные шляпы с перьями экзотических птиц. Меня мастер мучил почти столько же — влажным

картоном облепил мой голый торс, обвязал, а теперь ждал, пока просохнет.

Оказывается, хубон — это не просто курточка с отстегивающимися рукавами, это настоящий каркасный бронежилет с плечевыми валиками, изготовленный из многих простеганных слоев натурального шелка. Внутри еще часто набивают вату. Представительские же дополнительно обшивают разноцветным узорчатым атласом. Пуля этого времени его точно не возьмет, да и клинок — вряд ли. Луис говорит, что во время дуэли хубон нужно снимать. Вот почему все оно такое дорожное.

— И штаны в обтяжку больше не делаем, только свободный покрой, можно даже сделать чуть пышными.

— Нет, излишне пышными делать не надо, — отрицательно покачал я головой, — главное, чтобы удобно было ходить и ездить верхом.

В общем, первоначально под каждого из нас подогнали белую шелковую рубашку и готовый синий костюм с коротким пиджаком вместо хубона. Как по мне — так очень даже приличный, а по мнению мастера — годный только для морских прогулок в тропических морях. Так и не понял почему, зато сравнительно недорого, по четыре талера.

Еще с утра по нашей просьбе прямо в дом к Пьетро позвали обувщика. Оказывается, это обычная практика, хозяин даже посоветовал, кого пригласить. Заказали по две пары башмаков, коричневые и черные, а также ботфорты. Все с серебряными пряжками. Обещал изготовить через три дня, но к полудню принес дополнительно заказанные мягкие короткие сапожки с ремешками на щиколотках, которые у него часто заказывали моряки, даже офицеры, в них ходить удобно.

— Для abordжа тоже хороши, с ног не слетают, — подсказал Луис.

Всегда казалось, что в это время в Европе высший свет носил парики. Собственно, почему это казалось, мы же с отцом ездили и в Краков, и в Вильнюс, там шляхта сплошь и рядом ходила в париках. Осторожно задал вопрос мастеру Пьетро.

— Нет, и еще раз нет! Мы народ образованный и эти французские напудренные вшивые колтуки на голове носить не будем. Даже у его величества Карлоса Второго собственные пышные волосы и нет никакого парика.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. ЗДРАВСТВУЙ, НОВОЕ ВРЕМЯ!	12
Часть вторая. МАРШ-БРОСОК С ПОЛНОЙ ВЫКЛАДКОЙ	138
Часть третья. НА ПУТИ К ДОМУ	280